

Провинциальный ИНТЕЛЛИГЕНТ

Л и т е р а т у р н о - п у б л и ц и с т и ч е с к а я г а з е т а , г . К о с т о м у к ш а . № 3 (3) , о к т я б р ь 2 0 0 9

Газета выходит один раз в месяц. контакты для участия и сотрудничества указаны в выходных данных в конце газеты, предыдущие номера газеты на сайте www.gazeta-pi.ru или в городской библиотеке г. Костомукши

Н а ш с а й т в И н т е р н е т е : www.gazeta-pi.ru

От редакции

БУДЕМ АДЕКВАТНЫ

Наша газета развивает региональное сотрудничество, и в этом номере во вкладыше представлено творчество краснодарских писателей, поэтов и художников. Наши читатели, мы надеемся, не забыли, что первыми подобный «визит» к нам осуществили творческие представители центральной России (из Нижнего Новгорода и Городца), затем представители города Петрозаводска, т.е. из Северо-запада. А теперь в лице творческих людей из Краснодара на наших страницах представлен юг России.

Надо сразу же отметить, что мы продолжаем поддерживать связь с теми регионами, чей вкладыш-визитка уже был напечатан. Работы авторов из этих регионов будут печататься уже без оформления вкладыша. Мы надеемся также на сотрудничество и постоянный творческий обмен не только новыми произведениями, но на знакомство через представителей с новыми интересными людьми других регионов.

Редакторы приносят извинения за ошибки, допущенные в августовском и сентябрьском номерах. Объясняется это тем, что было много трудностей и сложностей по выходу этих номеров. Считаем, что постепенно работа над материалами, технические и другие моменты войдут в нормальное русло и наработку. В интернет-версии газеты все материалы имеют существенную правку, не содержат ошибок и упущений, и все номера газеты можно скачать.

Хотим обратить Ваше внимание на то, что у данной газеты нет редакции как таковой, которая имеется в других газетах (т.е. своих помещений, сотрудников на окладе, соответствующей технической базы). Люди, которые участвуют в нашей газете, делают это в свободное от основной работы время. Иногда просто физическая усталость мешает сосредоточенно работать над материалами. Отбор материалов для номера и согласование занимает много времени, т.к. практически по каждой работе ведутся дискуссии. Так, к примеру, во вкладыше Петрозаводска была опубликована только часть довольно большой дискуссии по работам Игоря Монакова. Редакторами каждая работа анализируется, обсуждается и порой по многим работам некоторые вопросы остаются открытыми, а это значит, дискуссии продолжают!

Наше издание, в основном, представляет творчество не профессиональных журналистов, писателей, поэтов и других творческих людей, а потому просим не оценивать с позиций профессионализма напечатанные у нас работы, а также саму газету. Редакторы будут стремиться поднять свой уровень мастерства, но в газете и дальше будут печататься произведения любителей. Мы будем стремиться избегать в дальнейшем грамматических ошибок, поднимать уровень оформления и другие составляющие элементы издания. Но гарантировать некий высокий профессиональный уровень в литературной изысканности авторских работ мы не в состоянии, да и не претендуем на эту роль.

Надо так же понимать, что у нашей газеты свой взгляд и свои критерии к произведениям и материалам, но это не означает, что редакторские материалы оторваны от реалистичности и фанатичны в некой конъюнктуре. Многие материалы, которые прекрасно оформлены профессиональными поэтами, профессиональными журналистами и

литераторами художественной словесности, напротив, могут нами считаться низкими или витающими в высокомерии блистания графоманией и не более того. А также могут считаться оторванными от реальной сути, извращенными и ложными, жестокими и пошлыми, пустыми и банальными, пусть они даже хороши в стилистической изысканности.

Еще раз повторяем, что неудобные материалы не есть попытка принуждения кого-либо принимать наш стиль и навязывание наших оценочных критериев.

Участники этой газеты – это простые люди, которые в большей степени рассчитывают только на себя и тех людей, которые не равнодушны к творческому проявлению, к реальному духовному познанию и просвещению. Критические замечания к газетному варианту мы принимаем по любой ошибке, но основной мы считаем только моральную оценку опубликованных у нас материалов! Создать в маленьком городе серьезную публицистическую и литературную газету просто НЕВОЗМОЖНО! Это должен понимать любой здравомыслящий человек, но сделать её тематически особенной – вот это наша основная политика! Потому часто претензии профессиональных журналистов и литераторов, которые реально неадекватно относятся к своим требованиям по материалам, к оформлению и так далее, к нам – простым провинциальным писателям, нас удивляет! В современной информационной российской реальности, в массовых СМИ содержится антинаучная информация, нелепая и абсурдная ложь, информация не нужная ни для ума, ни для психики, ни для тела, однако это не критикуется людьми, считающими себя профессионалами!

Мне раньше трудно было и представить, что столичный мэтр, например, эстрады, занимался бы только критикой некоего бедного провинциального кружка самодеятельности, притом предлагал бы таким то, что не в силах принять и осуществлять! Здравую критику и предложения мы принимаем и пытаемся в сложной ситуации работать над ошибками. Если некие наши критики действительно хотят поднять литературный уровень в нашем издании, то мы ждем от них адекватных советов и качественных материалов.

Уважаемые читатели, мы рады Вам сообщить, что начал работать официальный сайт газеты «Провинциальный интеллигент 1». Работы по оформлению сайта и его наполнению еще не завершены, но Вы уже можете, зайдя на www.gazeta-pi.ru, ознакомиться со стихами, рассказами и статьями, которые были опубликованы в газете. На сайте есть форум, где вы можете высказать своё мнение о напечатанных у нас произведениях, обсудить предлагаемые нами темы, предложить к обсуждению свою тему, можете высказать мнение о газете или о сайте.

Редакция обращается как к костомукшским авторам, так и к авторам из других регионов быть более активными для публикации в газете своих произведений. Не только потому, что их читают в других регионах страны и за рубежом, а потому, что только напечатанные в газетном варианте работы автоматически будут размещены на сайте газеты, а это значит, от активности автора будет зависеть, сколько произведений будет в его, так сказать, авторской библиотеке.

Любую публикацию в газете следует рассматривать, как реальное оформление авторства. На сайте есть не только архив газеты, но все материалы сгруппированы по разделам и подразделам. Так, к примеру, любители поэзии смогут все стихотворения прочитать или перечитать в разделе «Стихи», а те, кто интересуется публицистическими материалами, могут их найти в разделе «Давайте обсудим».

Мы не планируем увеличивать тираж газеты, но будем и дальше стараться, чтобы издание выходило без срывов, т.е. регулярно, в начале каждого месяца. С целью поддержания газеты, для оплаты издательству печатных услуг и содержания сайта мы проводим подписную кампанию. Подписка костомукшан на текущий 2010 год, пусть минимально, но снимет часть финансового бремени и придаст стабильность для финансирования расходов, которые послужили бы улучшению и классического профессионализма в нашей газете.

Это не бизнес-проект, потому мы рады любой помощи.

Нам, в свою очередь, можно сказать, что публикуемое в нашем издании на сегодняшний момент, не представлено ни в одном

другом СМИ! Мы предлагаем совершенно новый контекст для осмыслений каких-либо произведений и материалов, потому и к нашей газете у тех, кто находится в замутненной стереотипной рациональности, может быть зеркальная оценка нас как неадекватных.

То, что представляется нами для читательского осмысления и толково соотносится, является серьёзными авторскими исследованиями и работами, которые представляются только в нашем издании впервые для читателей нашей газеты и посетителей нашего сайта! Странно слушать от людей, которые, только прочитав у нас в газете некие материалы, затем заявляют, мол, они это давно знали. Критика нужна, но порой даже самые ярые критики цитируют наши материалы или пересказывают их другим. Вот это для нас и есть реальная оценка газеты!

Подписаться можно с октября до конца декабря текущего года, как на полгода, так и оформить годовую подписку на 2010 год в здании ООО «РИЦ «Вяйнола», находящегося по проспекту Горняков, 2в, у Татьяны Вьюжной (каб. 1). Добро пожаловать на сайт газеты : www.gazeta-pi.ru

Редакторы

Зарисовка

Маленький городок, но там начинают кипеть бурные обсуждения материалов, которые поступают в редакцию газеты «ПИ1». Обсуждения начинаются между редакторами, с авторами по почте, телефону и в прямых дискуссиях, это частично выплёскиваются на страницы газеты. По некоторым материалам достигнуто согласие, другие работы обсуждаются, а на некоторые работы авторы получают от редакторов ответ, мол, нам это не подходит, иногда называются причины. После бурных дебатов материалы передаются в ООО «РИЦ «Вяйнола», затем получение отпечатанного нового номера, который рассылается и частично распространяется в городе. День спокойствия. Через день рассылка к редакторам начинают поступать СМС и звонки, на это уходит от трех до пяти дней. Затем начинают поступать письма, т.е. всё повторяется только с поступлением газеты к местам её рассылки, словно эхом поднимаются опять отголоски новых взглядов и различных суждений, оценок.

Критика, что газета не профессиональна, постоянно принимается редакторами, но они постоянно и категорически не хотят делать обычную профессиональную газету! Это длится две недели с момента рассылки, а затем все затихает на пару дней.

Маленький городок, но там начинают кипеть бурные обсуждения материалов, которые поступают в редакцию газеты «ПИ1»...

P.S. Только за это явление газеты «ПИ1», надо благодарить городок и людей, которые участвуют в создании такой не профессиональной, но ОЧЕНЬ интересной газеты!

Написано по мотивам миниатюры
Юрия Иоффе

Тост

Шаги к профессионализму

Осень, провинциальный городок, в маленькой комнате за столом сидит одинокая женщина и задумчиво смотрит в окно, за которым льет дождь. Будто что-то вспомнив, она записывает в тетрадке простые строчки. Размышления, чувства, воспоминания, мечты, выливаются в стихотворения.

В этой картине нет ничего особенного, многие люди в одиночестве пишут стихи. Различные настроения, переживания, воспоминания и грёзы о будущем доверяются бумаге. Так же начиналась и история Ани Власенко, и мы хотим в этом интервью рассказать, к чему привело её желание выразить себя.

- Аня, как ты относилась к изначальному своему творческому порыву и как решила дать людям познакомиться с ним?

- Сергей, у многих людей в определённом духовном или психологическом состоянии, будь то хорошее настроение или, напротив, грустное, возникает потребность либо петь, либо читать стихи, проще выражать свои духовные или чувственные переживания, в которых пребывает в этот момент человек. Люди могут петь или читать чьи – то песни, стихи, повторять различные фразы, а могут и сами формулировать это, притом даже непроизвольно слагать стихи, мотивы, изречения. Конечно, такое настроение отражает расположение духа и чувств конкретного человека, притом в разных его состояниях. Потому мне казалось, что это лишь мое восприятие и реакция на все эти настроения. Когда меня убедили представить несколько работ для возможной публикации в костомукшском сборнике «Стихии», я с глубоким чувством страха и сомнений передала их. Меня успокоили, сказав, мол, такие ощущения испытывают практически все люди, и потому это будет многим созвучно, они поймут, что тоже не одиноки в своем творчестве. Хотя я поняла, что говорили тогда мне действительно так, как есть, у меня появился другой страх - произведения не профессиональные, и говорить серьёзно о них не будут. Начнут судить, ругая за неумелые и не профессионально оформленные стихи, им и дела не будет до осмысления даже того, о чем я с тобой сейчас говорю.

- Что или кто помог тебе преодолеть такой страх, возможно, это было некое состояние души, при котором страх исчез?

- Прежде всего, это моя мама, которая первой и является моим критиком, хвалит меня за удачные произведения. Она может и подсказать, и обсудить откровенно со мной мои работы. Я благодарна ей за поддержку и даже за справедливую строгость как в воспитании меня, так и в отношении уже к тому, чем я занимаюсь. Это наивно, но мудро описано в стихотворении Анисы Терентьевой «Плод Любви», которое опубликовано в сентябрьском номере газеты «ПИ1». Хотя надо отметить, что после презентации книги «Стихии», я познакомилась с различными творческими людьми в нашем городе. Действительно, в такой откровенной и товарищеской атмосфере даже замечания и критика воспринимаются как реальное содействие в помощи, а не выставление тебя на смех или грубое оскорбление. Мне понравилось, как Дмитрий Гордиенко относится к критике, это он продемонстрировал, когда был в Костомукше,

на Третьем фестивале поэзии. Рассудительно сдерживал эмоции свои и оппонентов, потому я даже решилась вступить с ним в поэтический диалог. Мне нравится его творчество, но в нем очень много вопросов, поиска, нет точных определений, поэтому, наверное, и был назван сборник его стихов «Вечное Возращение», где он пытается осмысливать даже то, что не может принять, но через призму своего мировоззрения пытается представить.

- Раз разговор зашел о Дмитрии Гордиенко, то могу сказать тебе, что он по-доброму отнесся к стихотворному диалогу, который был опубликован в сентябрьском номере «ПИ1». Приходят хорошие отзывы и на новые стихи Дмитрия, процитирую один: «Стихи Дмитрия Гордиенко ложатся на душу». Однако мне хочется теперь спросить тебя, что дало это твоему новому положению в качестве публичной фигуры?

- Прежде всего, это интерес к моим работам со стороны тех, кому я открылась как поэтесса, а это разные люди, которые стали обсуждать со мной произведения и творчество других поэтов и писателей, принимая во внимание, пусть малый, но уже мой личный опыт. Ко мне обратился композитор Сергей Волик, мы с ним стали сотрудничать в создании песен, в этом творческом союзе было написано две песни. Хотя такая работа уже требовала взаимопонимания и созвучий в образах, чувствах и в ритмике, но это уже новый этап в развитии и познании. Затем ко мне обратился другой композитор, а именно Ярослав Семенов, с ним у меня тоже началось интересное сотрудничество, и мы написали пять песен. Недавно выступали с Ярославом на местном радио, где представлена была наша песня. Я стала более активно принимать участие в публичных выступлениях как в чтении своих стихов, так и стихов других авторов. Самое главное, что у нас появилась очень интересная газета, где предоставляется людям возможность заявить о себе. Редакторский коллектив делает все, чтобы круг публичности расширялся и наполнялся различными авторами и читателями, а это уже новые отношения и оценки, связи, знакомства. Сергей, я полностью поддерживаю новый этап развития газеты, интересно обмениваться творчеством и оценками не только в кругу костомукшских авторов, карельских, российских, но и заграничных русскоязычных писателей, которые начинают сотрудничать с нашей газетой. Наш провинциальный город становится известным не только продукцией ОАО «Карельский окатыш», но и как город, в котором издается интересная газета. Надо помогать и укреплять в развитии это явление, а не заниматься выяснениями личных амбиций, капризов, а потом жаловаться, что пока шли выяснения, мол, петрозаводские творческие люди уже инициативно участвуют в нашей газете.

Может, мой опыт и пригодится тем людям, у которых появляется шанс сделать только один шаг из тайного или узкого круга творчества и выйти к широкой публичности. Только не следует питать по этому поводу неких тщеславных иллюзий, а понимать, что в этом случае на тебя возлагается особая ответственность! Надо помнить всегда, как СЛОВО может восприниматься слушателями или читателями, какой резонанс может произвести!

Прошло несколько лет с того времени, когда Аня писала стихи только для себя. Когда интервью находилось в оформлении, на улице я случайно увидел, её. Она шла уверенная и улыбающаяся, крепко держа за руку свою дочь. Сегодняшние работы нашей героини отличаются от первых - грустных, неуверенных и наивных стихов. Теперь произведения Ани лирические, темпераментные и хорошего профессионального уровня. Так пожелаем всем, кто занимается личным творчеством, сделать свой шаг в большой мир единой творческой гармонии и многогранного разнообразия индивидуального стиля. Пусть этот шаг преобразует мир и нас самих в лучшую сторону!

Записал Паишков С. Л.

Творческий союз

Петрозаводск

Мargarita Rogozik

Буду морем

Могу быть спокойным,
Могу бушевать,
Могу потихоньку теченья сплетать.
Порой от избытка эмоций и чувств,
Появится пена от всех этих буйств.
Сверкая на солнце,

томлюсь в тишине,
А после даю разгуляться волне.
Вздыхну глубоко,

потревожив пучину,
Вздыхаюсь я ввысь,
образуя кручину,
И брошу на берег всей силою вод
Все, что оседало не день и не год
Снесу волнолом,

ведь и он не преграда,
И буду я Морем - мне это и надо!

* * *

Дойдя до состояния Вселенной
И оценив всю силу этих Сил,
Там получив «печать»

души нетленной,
Уже не помнишь ты, о чем просил...

Купаясь в нежном свете звездпада,
Вдруг слышишь прямо от Земли:
Летит, сбивая все преграды,
Молящий голос о Любви.

И долетела до тебя молитва.
Она достигла самой высоты.
И засиял, обрадовался Космос,
Вдруг вспоминаешь,

что таким был ты!

* * *

Он Творец и я Творец,
Жизнь , как сказочный ларец.
Прежде чем его открыть-
Все желанья утвердить.
А открыв, не удивляться,
Над неожиданным посмеяться!
Наперед тебе урок-
Ты творец, и сделать смог!!!

* * *

Понеслась моя Мысль
В окруженье Любви.
Вдруг, откуда ни возьмись,
Появились не мои...
Но осталась цела
И не сбилась с Пути,
Потому , что была
В окруженье Любви!!!

* * *

Мое зеркало — это Дети,
Непослушные Дети мои.
Это лучшие Дети на Свете,
Как два Солнца, на Небе Любви!

Инна Тутаринова

* * *

Сотки свою жизнь своими руками и
каждая нить будет тебе дорога,
Не важно, что где-то вдруг она
запетляла и оказалась

совсем не мила.
Если с душой всмотреться в рисунок,
вложить свои силы добра,
Окажется самой любимой
и сильной ковровая жизнь твоя!

* * *

Дом там, где сердце осталось,
Дом там, где любовь живёт,
Дом там, где тело находит обитель,
спокойно от сует и тревог.
Дом там, где тьма тускнеет,
Дом там, где свет в полутьме живёт,
Дом там, где душа теплеет,
Дом там, куда песня зовёт.

* * *

Я тороплюсь любить
и жить сегодня тороплюсь,
И всё хорошее любить сейчас
я тоже тороплюсь.
ПУСТЬ БУДЕТ ВСЁ сегодня ТАК,
пусть будет откровеньем стих,
И Пусть наполнится сейчас
сосуд любви и жизни вмиг!

* * *

А, может, это только бес,
Мечта, пришедшая из грез!
Ведь он такой родной,
любимый, дорогой!
Он может сладкой песней быть,
А может топнуть он ногой,
И хочется сказать: “Постой,
Не уходи, побудь со мной!”
Я знаю, он бывает и во мне,
Сначала просто он молчит
И тихой цацею сидит,
Но хочет выскочить и вне-
Тогда горите все в огне!

* * *

Дизайн не просто,
Дизайн легко,
Дизайн в журналах и кино.
Дизайн с картинки и домой-
Вот было б здорово
с такой Мечтой!
Кисти в руки мы возьмем
и палитру наведем:
Краски солнца и цветов,
Краски радуги, лугов
Краски неба и ручья,
Все с душою и полно.
Пусть квартира
Ваша станет Вашим Я-
Все то, о чем мечтали
Вы день ото дня!

Краснодар — город на юге России, административный центр Краснодарского края, исторический центр политико-географической области Кубань, неофициально именуемый столицей Кубани, а также южной столицей России. Город контролирует главные морские ворота Юга и первейшие всероссийские курорты. Краснодар был основан в 1792—1793 гг. казаками как крепость на вновь заселяемом пограничье и длительное время служил главным городом Кубанского казачьего войска. Казачья тема — лейтмотив монументальной пропаганды в современном Краснодаре: восстановлен обелиск в честь 200-летия Кубанского, прежде — Черноморского, казачьего войска (отмечалось в 1896 г.), воздвигнут памятник Казaku (Кубанскому казачеству) перед зданием обл администрации. Казачьи объединения устраивают театрализованные шествия. Поет Кубанский казачий хор

Наш представитель Андрей Насонов

Волею судеб, как финалисту конкурса «Весеннее настроение», организованного газетой «Провинциальный интеллигент», мне выпала честь представить свой родной город в этом издании.

Краснодар — вторая моя родина, так как явился я на свет на побережье Чёрного моря, в живописном месте Уташ, в районе курортного города Анапа. Как я недавно узнал, этот маленький посёлок расположен в историческом месте, здесь были найдены останки первого в регионе христианского храма, существовавшего в восьмом веке, т.е. ещё до крещения Руси.

Попавшего в Краснодар, в качестве студента биологического факультета КГУ, меня выкормыша, поселковых пространств и бесконечных полей, пленила стихия города: его ритм, подвижность, борение идей, разноголосый народный гул, столкновение разных пластов бытия.

Это и вызвало во мне необходимость Поэзии. Она вышла из пены городских будней. Быстро встретил людей близких мне по духу, с кем неразрывно связан до сих пор. Вместе нами была создана литературно-театральная группа «Пункт Приёма». Деятельность её кроме манифестаций, традиционных выступлений на вечерах поэзии и перманентного внутреннего творческого семинара, вылилась в создание адекватной для нас формы представления творчества — концептуального поэтического спектакля.

Группа активно просуществовала 3 года. Но и сейчас мы встречаемся и участвуем в совместных проектах. О группе «Пункт Приёма» и других литературных группах Краснодара вы узнаете, прочитав в этом вкладыше замечательное эссе «Одинокий путь творца» Марины Мартыновой.

Надо сказать, что из представленных авторов, четверо — это пунктприёмовцы: ваш покорный слуга - Насонов, Марина Мартынова, Анна Мамаенко, Виталий Бородин. И, конечно, в связи с тем, что это газетная публикация, а не антология, здесь представлена только капля в литературном море Краснодара. Тем оказывается ценнее эссе М. Мартыновой, рассказывающее о литературном процессе в целом.

Логотип. Анна Мамаенко

Иллюстрации в нашем вкладыше представлены графическими работами Анны Мамаенко, в которых так же как и в её стихах, выражается характерное для неё мифопоэтическое мышление, воспринимающее с детской непосредственностью всю слитость нераздельности бытия; а также живописными произведениями Юры Наумова, художника по профессии; основными темами его работ стали природа и покаяние. О типичных проблемах нашего города можно узнать из эссе «Тополиная казнь» Анны Мамаенко.

В рубрике «Мемориальная доска» мы вспоминаем о большом краснодарском поэте - Владимире Жилине. Нам посчастливилось быть на мастер-классе этого незаурядного человека. Обсуждение стихов на этом семинаре СРП оказалось для нас хорошей школой.

И ещё немного о себе. По профессии я учёный-биолог и работаю в Институте сельского хозяйства, изучая стрессоустойчивость злаковых культур на уровне стабильности РНК клетки. Недавно успешно защитил диссертацию на звание кандидата биологических наук. Сейчас я продолжаю дружбу с пробиркой и пипеткой, бегая с ними и умным выражением лица по коридору родного института.

Милости просим на нашу страничку! Приятного Вам знакомства!

Андрей Насонов

родился 1978г. в п. Уташ, Краснодарского края. В 2000 г. закончил Биологический факультет КубГУ. Работает научным сотрудником в Краснодарском НИИ сельского хозяйства. Член литературно-театральной группы «Пункт Приёма». Участник V и VII Форумов молодых писателей России. Публиковался в журналах: «Арион», «Юность», «Дети Ра», «Слово», «Российский Колокол» и др.

* * *

Бледная поганка зимнего человека
со связкой клыков чеснока на шее,
чертит шарканьем по полу вектор
к окну, ножами ногтей открывая
консервы комнаты, заклеенные тряпкой щели.
С утра ничего ещё не было.
Как всегда небеса подвезли снега
и заставили двор белой мебелью.
Но обшивка треснула, и неожиданный негр
тени, появился за каждой вещью. Потекла вода.
Проглядывает чернота земли, и пахарь
росточка зазеленит твой календарь. Ты не гадай,
какая сегодня цифирь. Благо, что снег, как сахар,
тает, становится сладко и жарко,
заваривается чай,
на ещё голых ветках, прошлогодней жалкой
листве и начинается чарт птиц.

КОРОВА

Хруст, треск, сопенье,
бочка-тело, хвост летает,
змеёй за мухами, пенёе
оводов и падает, как грязь,
расплюсываясь в крендель
душистое дерьмо, оставшись
храмом для иных, фасеточных,
нам не известных глаз.

Трава тихонько верещит
цикадой, кузнецом прожжённым,
полынь гортань пережимает,
ты вскидываешь, словно щит,
мордень свою вооружённую,
вся облепленная, как еж,
иголками репья. И ты - печальные глаза,
за мир переживая,
весь этот мир пережужьёшь.

* * *

Дотронутся до тебя и исчезнуть.
Аукаться, сквозь ветви продираясь.
Провести в тебе девять месяцев
и, вернувшись, видеть, как честно
поставлены брёвна по границе рая —
трехмерный шириною в жизнь забор.

Но в бесконечности его найти калитку,
открыть, наковав слёз и слов на её
проржавленные петли, впуская кошку
поперек демонов вдогонку счастью,
и вылечить калеку ходящего на вилках
и ножах, и ложках, открывая кожу,
глаза, язык, осящая

в долгой бездонной дрожи
спрятанную нас в своей трясине
плоть. Уже почти не двигаемся,
и если рыть с солнечной стороны, то можно
откопать в сыром асфальте
ночи осторожно, не повредив лопатой,
согнав песчинки кисточкой из пудреницы
лежащих тут далеко за свадьбой.

Он на коне, руками обнимая
её, она в обрядовых одеждах...

РАДУНИЦА

В этот день особенно ветрено,
будто открыли дверь, и залетел сквозняк.
Даже куст шелестит: «Верьте нам...»
И их лики на листьях сквозят.

Наши миры связывает тоненькая
ниточка памяти. Круглое фото.
Сядем на лавочку или за столик мы.
С Пасхи янчко и горькое что-то.

И тишина: «Ну, вспомняем что ли?»
Горькое обжигает и дарит тепло.
Ну, а потом нас, конечно, потянет
вспомнить всё и вспомнить не зло.

Все мы собрались. Рябина сияет.
Вместе, как верно во времена,
когда «при-и-дет к нам судияй
живых и мертвых».

Вот и всё удаляемся, цокая,
шлёпая, дальше пути раздельных.
Наши миры перевязывает широкая
дорога цветастая смерти-рождения.

* * *

Сделай со мной это...
Первые аккорды рябью,
В море застывших эмоций,
Что-то об «ушедшем лете».
Самой банальности рад я.
Пусть это будет Моцарт.

Забеспокоится глаз,
Будто попала соринка.
До боли кадык скован.
Ладно, слеза, слазь,
Катись влажной кометой!
Это пришёл Бетховен.

И удержи мой слух
В солярисе этом грустном,
Полном призраков памяти.
Пусть он читает вслух
Не мысли мои, а чувства,
И застывает камедью

Тягучею на щеке.
После бури в стакане
Души, ты меня на бобах
Оставишь, в чистоте, нищете,
На оргАна крутой эстакаде.
Пусть это будет Бах.

Расширяя зрачок, словно
Капелька тьмы или атропина,
Вылезет красный цветок.
И когда станет условностью
Музыка и энтропия
Пусть это будет Бог.

ФЛЕЙТА

Кто же кого дергает в этой игре за ниточки?
Он подносит её ко рту, надувает щёки,
старательно зажимает дырочки
и вылетает из клеточки
музыка. Так, вроде, всё так...
Но может ли он не дуть?
Иногда убирает её подальше.
Это, скорее, выглядит, как недуг.
Он старательно зажимает виски
И, пробираясь по позвонкам,
вылетает из клеточки музыка.
Может ли она ему отказать,
когда он, нетерпеливый и пьяный,
кричит в нее, старательно затыкая ямину
рта, и вылетает из клеточки...

Молитва. Юрий Наумов

Станислав Чумаков

(род.1947) – переводчик польской поэзии. Окончил Ленинградский университет по специальности «филолог-славист». Кандидат филологических наук. Преподает зарубежную литературу в Кубанском госуниверситете. Поэтические переводы публиковались в журналах «Польша», “Philologica”, «Кубань», в сборнике К.И.Галчинского и др.

ПЕЧАЛЬНЫЙ РУБЕРОИДНЫЙ ЗАВОД

Я возвращался с похорон, и вот –
Печальный Рубероидный Завод.

За поворотом он возник трамвая
и шел за мною, не переставая.

Он был спокоен, чист и подметен.
Работников не виделось на нем.

И впечатленье он производил,
как труп, что я в могилу проводил.

Костяк Луны висел над тем заводом:
над Выходом, а может быть, и Входом.

А впрочем, и над остальным двором
Диана Жуткая махала помелом.

Подъемный кран, словно копье Кихота,
торчал там сам, вынюхивая что-то.

И механизмы всякие в ночи
мерцали, как при отблеске свечи.

Завод молчал... Продукцию не гнал,
свой пятилетний план не выполнял.

Не перемалывал доступное сырье
на будущее теплое жилье.

Не в том беда, что не было рабочих
(он был и сам не хуже всяких прочих),

а смысла не было. И он почти стонал,
в себе закрытый, как пустой пенал.

Я, как и он, был полностью закрыт;
и всё же – с благодарностью за быт,

за то, что я в ночи не одинок,
ему б лавровый посвятил венок.

Я только что ушел от тех ворот,
где страстно мелет всех иной завод.

ЛОТОФАГ

Я вкусил сладкий лотос
и забыл свою Родину.
Я не эллин уже,
хоть не варвар еще.

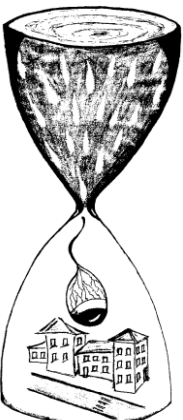
Я уже не мужчина,
хоть еще и не женщина.
Я – Тиресий двуполюй,
мудрец и мудака.

Мои уши глухие
помят Родины песни.
Мое мертвое сердце
вспоминает: «Тик-так».

ВРЕМЯ

Запускаю свой кораблик бумажный
в Трою, в Трою, за Еленой и славой
и бегу за ним вдоль ручья,
за него молюсь Посейдону.

Двадцать лет пройдет: вернется кораблик.
И с Еленой вернется, и со славой...
У ручья его встречу – заплачу,
в кольца времени стрелу пущу.

Часы. Анна Мамаенко

Анна Мамаенко

родилась в г.Краснодаре в 1982 году. В 2005 году закончила очное отделение Литературного института им.А.М. Горького. Публиковалась в «Юности», «Литературной газете», «Нашем современнике», «Литературной учебе», «Осколках», «Дне поэзии», международных антологиях «Между весной и вечностью», «Возвращение», энциклопедической антологии «Душа России: пятнадцать веков русской поэзии» и других изданиях. Участник I Форума молодых писателей России.

Ёлки-палки, лес густой.
Кончен творческий простой!
А. Т. Твардовский

Что тебе снится,
бедный избранник азбуки?
Под казённым небом бессмертия –
новый путч?
Но Серафим шестикрылый
приходит и руки связывает,
и в скважину рта
завивает холодный ключ.

Пуля твоя в смету уже заложена.
Расстрел бесконечный
потом назовут судьбой.
Но даже свинец бессилён,
и ты плетёшься в кафе-мороженое
коротать бессрочный
творческий выходной...
Мечтая уйти в кабаки и уплыть в запой.

Уплыть в запой под парусом паранойи,
кусая локти и сгрызая карандаши.
подавая надежды тем, кто гроша не стоит.
Не чувствуя рядом мало-мальски
живой души.

Вот так безнадежно
поезду под откосом.
Вот так исповедует
ветер печной трубе.
Вот так еженощно
салятся писать доносы
на самого себя
самому себе.

* * *

Где небо окраин становилось
на наши плечи
и толпы садов
сотрясала зеленая дрожь –
мы видели, как громовое эхо
неведомой речи
потайными чернилами августа
стенографировал дождь.

Он был свидетелем
наших раскидистых снов,
когда чешуя полнолуния
заполночь перетекала
в длинные тени
письменных наших столов,
где одна бесконечная книга
себя создавала.

Мы забыли её,
когда родились на просвет,
чтобы в тихом шуршанье земли
узнавать ее почерк.
И под пение пепельных гимнов
в жертву принял рассвет
листья, струящиеся
из подземных источников.

Одиночество приговорит
к высшей мере дождя.
Каждый сам по себе
пройдет, ничего не заметив.
Потому что мы жили,
в сознание не приходя.
Потому что выросли
в нас игравшие дети.

Бесконечная книга
не скажет о нас ничего.
Значит – ранних шагов
переводные картинки
Белый Цензор засыпал
седinou из своих рукавов.
И окончилась нить,
выводящая из лабиринта.

Но горят еще в небе
сигнальные наши костры.
Острова, окруженные
темнотою околоплодной.
И набухшие завязи ламп
в окружении книжной коры
узнаём, подплывая доверчиво
к прорубям окон...

Виталий Бородин

живёт в Краснодаре. Первая публикация в местном журнале в 2001 г. Публиковался в международной антологии «Между Весной и Вечностью», в сборнике «Из варяг в греки» (Великие Луки, 2009) и в нескольких краевых. Диплом литературного фестиваля «Жар поэзии», посвящённого 190-летию М.Ю. Лермонтова, 2004 г.

* * *

Я хочу поставить точку кровоточиной,
Чтобы рана не давала вам уснуть,
Чтобы розгою пришлось, да чтоб
намоченной,
Чтоб хлестала металлической
пощёчиной,
Чтоб она растормошила вашу суть.
Я хочу поставить точку червоточной,
Чтоб противно стало грызть
заветный плод.

Не казался чтоб таким уж
больно сочным он.
Тошнота чтоб подступила
горькой почестью
И излилась сладкой правдой на народ.
Я хочу поставить точку зуботычиной,
Чтоб фиксатою была моя строка.
Ну и вы точно такими же, улыбочиво
В отражение зеркал глядя, двуличное
Вспоминали, что не всем

жизнь так легка.
Я хочу поставить точку с заковыркою,
С заковыркою заковыристей других.
Чтобы точка показалась прямо дыркою,
Уходили чтоб ко дну туда не фыркая
Те, что лучше и значительней других.
Я хочу поставить точку чёрной дыркою,
Чтоб космическая вонь в неё ушла
Вместе с прахом, пеплом и опилками.
Ну, а вы остались
маленькой пылинкою,
Чтоб она кристально чистая была.
Я хочу поставить точку многоточием...

СТАРЫЙ ДОМ

Завален дом остатками разлуки,
И ултели люди вместо птиц,
И завывают, в вечной течке, суки,
И прячут морды псы под маской лиц.
Не добегал бывалый марафонец
До дома, где свежи ещё остатки,
И был прогноз погоды на флаконе:
«Возможны и естественны осадки»...
Соль минеральная пускай засыплет рану,
И в благодатной почве зреет благодать.
Придут домой не звано, очень рано,
Отнимут то, чего нельзя отдать.
И не составят даже протокола,
Не предъявляя прав на урожай.
И дом нахмурится, став серым и суровым,
Но всё ж не станет даже возражать.
Чуть свет – рассвет и новые заботы,
Чуть рад – закат и старая вина,
А дом стоит упрямый до икоты,
И не дрожит несущая стена.
Лишь облупилась кожей штукатурка,
И головою крыша протекла.

Но вот леса взросли, и лезут турки
По их стальным изгибам вдоль стекла.
И станет старый дом не хуже новых,
А может даже их переживёт,
И в окнах глаз, стеклянных и суровых,
Отблеск тепла случайно проплывёт.

Марина Мартынова

родилась 1954 г. в городе Тобольск Тюменской области, в 1977 г. окончила английское отделение факультета романо-германской филологии Кубанского госуниверситета. Переводчик, преподаватель. Первая публикация (стихотворение «Полнолуние» в собственном переводе) произошла «за бугром» - в антологии поэтов Юга США (“North of Wakulla”, Anhinga Press, 1991). Первый сборник стихов – «Соната для флейты и альты»(2004 г). Публикации стихов и прозы в коллективных сборниках «Голоса надежды», «Университетский балл», в журналах «Дарьял», «Здравствуйте», антологиях «Между весной и вечностью», «Возвращение».

«ВСЯКОЕ ДЫХАНИЕ ДА ХВАЛИТ ГОСПОДА»

Коленопреклоненный богомаз,
Зависнув на лесах, прописывает лик:
Ложится трепетно за бликом блик,
За тенью тень. И оживает глаз.
И проступает строгое чело.
И прорастают прядей завитки.
Так из-под рабской немощной руки
Начало всех начал рождаться начало...
А в сумерках скворцы затеют пересвист,
В симфонии смятений и побед
Восславив день, и уходящий свет,
И тень лесов, и зябкий первый лист...
Так, дивно отражен, живет Творец
И заново родится всякий раз,
Когда взирают на Него скворец
И в дольний мир
с лесов сошедший
богомаз...

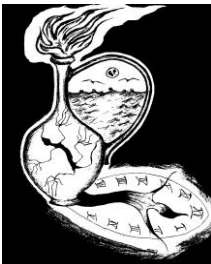
* * *

Кто пытался уйти от оков,
Кто покоя и воли искал –
Лишь проклятых вопросов опять
обретет череду.
Но в театре теней облаков
На экранах обтесанных скал
Я сегодня, быть может,
намек на разгадку найду.

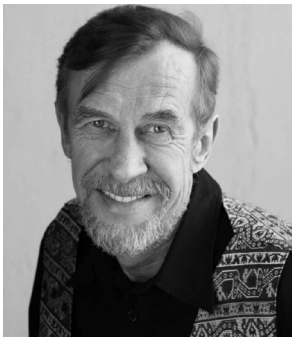
Я когда-то минуту могла,
Не дыша, проплывать под водой.
Кто поверит? Сегодня лишь двадцать
секунд мой предел.
К горизонту мохнатая мгла
Опускается на водопой.
И друзей моих круг,
как зубов моих ряд, поредел.

Мне Джульетту уже не сыграть –
Без обжалованья приговор:
В этой пьесе я разве в Кормилицы
только гожусь...
Испишу ли я эту тетрадь?
Иль в театре теней облаков
Вечно юной

девицей на выходах окажусь?

Сосуд. Анна Мамаенко

Сергей Аболмазов

родился в 1948 году в г. Орле. В 1974 окончил художественно-графический факультет Орловского государственного педагогического института. С 1976 года участник выставок профессиональных художников. Работал художником-постановщиком в театре кукол, ТЮЗе, драматическом театре в Орле. Затем в драматических театрах Пскова, Грозного, Выборг и др., где оформил более ста спектаклей. С 1993 года работает главным художником Краснодарского академического театра драмы. Неоднократно становился лауреатом первых премий в разделе театрально-декорационного искусства.

ИНТЕРЬЕР ДУШИ ПЕРЕД РАССВЕТОМ

Занимается рассвет.
За стеной храпит сосед.
Тихо, сумрачно в квартире,
Унитаз ворчит в сортире,
Где-то капает вода...
Вот такая ерунда.
Тускло люстра в три рожка
Светит, как исподтишка,
Хлам какой-то по углам
С паутиной пополам,
А под люстрой – табурет.
Жаль, веревки с мылом нет.

БЕССОННИЦА

Ночей бессонных скорбная царица,
Задумчива, печальна и бледна,
Коснется лба и тихо растворится
В квадрате предрассветного окна.
Отступит ночь, и призрачные блики

Преобразят вдруг комнату мою.
Из полутьмы ступившиеся лики
Замрут сурово в каменном строю.
В окно ворвется злой пыльный ветер,
Смертельной молнией
взметнется ятаган
И каменную пыль тысячелетий
Вновь обратит в мерцающий туман.
Передо мной откроется дорога,
Бессонницей сожженная дотла,
И вдалеке – царица-недотрога,
Мучительно прекрасна и светла.

РАССВЕТ

Лизал окно медлительный рассвет,
Струился дым последней папиросы,
И вызревал мучительный ответ
На все ночные страхи и вопросы.
Ночь уходила. Тени по углам
Светлели, растворяясь понемногу,
И истово, в светлеющий туман
Молился я неведомому Богу.
Я у него прощенья не просил,
Шепча свои невнятные молитвы,
А он мои печали уносил,
Как раненых выносят с поля битвы.

Юрий Наумов

Родился в городе Горячий Ключ, Краснодарского края. В 2001 г. Окончил художественно-графический факультет КубГУ. Входит в литературные объединения Горячего Ключа и станции Саратовской. Лауреат поэтического турнира «Рождественская звезда», организованного Краснодарским краевым отделением СРП в 2008г. Дипломант фести-валя православного творчества «Величай, душе моя», в 2007г.

И никто из тех, кого заслоняли они от окончательно спятившего этим летом солнца, никто за них не заступился... Да и что можно сделать против бензопил, бульдозеров, а главное – шлакоблочных сердец человек, заживо мертвых, лелеющих идею весь город превратить в мемориальный комплекс из стекла и бетона. Страшно видеть растоптанную жизнь, а еще страшнее – собственное бессилие и безучастную успокоенность. Нескончаемый список погибших в очередной катастрофе вызывает эмоций меньше, чем прогноз погоды. Во всем такая «стабильность» полным ходом, что нервы у граждан стали стальнее трамвайных рельс на Ставропольской. А к слову «новости» так и тянет в качестве приставки прибавить «хре»... И чем бы мы ни занимались, чему бы ни учились, в итоге всю жизнь постигаем только одно ремесло – ремесло Актера Анатомического Театра.

В каждом большом городе по улицам бродит множество людей, увлеченно разговаривающих самих с собой. Это от зияющего одиночества. Чем нас больше, тем меньше мы друг друга видим. А если и заметим, то исключительно как свое отражение в чужих

ЧЕРЕПАХА

На панцире древнем моём письмена,
ползу, путь в ночи освещает луна.
В течение многих растянутых лет
на мокром песке оставляю я след,
но снова, всё снова смывает волна.
Безмолвная полночь раздумий полна.
Далёкая младость, с хвостами мужчины
уплыли давно. Что осталось? Морщины...

Соседка мурена шипела сквозь зубы,
что я не гоюсь уже даже для супа.
Луна хороша, море ласково, ладно,
пора уж в пучину вернуться обратно.

С тоской погружаюсь всё глубже и глубже
- давленье растёт и внутри и снаружи.
Сгущается тьма, глухо... чувствую дно,
и это пройдет – утешает одно.

В безвыходном мраке, укрывшись илом,
и сплю, и во сне обнимаю светило.

ОДИНОКАЯ РЫБА

Молчу. Я - рыбка. Плаваю туда-сюда.
Хочется счастья....Вокруг – вода.
Чешуя на мне, а под ней –

тело женского пола.

Плавать быстро научила школа.
Где же счастье? Вокруг одни крючки,
на вид аппетитные червячки.
Вот вытащили в свет одну селедку:
далеко пошла – в шубе, под водку.
Хоть кто-нибудь услышал,

как я плачу на дне,
приплыл бы белый Конек
и подарил бы зонтик мне.

Другие рыбы давно мечут икру.

А я чувствую:

если не выйду за Конька – умру!
Запуталась в водорослях совсем.

Тоску зеленую во тьме ем.

Ночью не спится: совсем одна.

Жёлтая плавает Рыба-луна.

Ты скажи мне, ясноликая краса,
рыбке простой приоткрой глаза:
нужны ли мне жабры, хвост и плавники?
Есть ли смысл у этой реки?

Рыба-луна отвечала: «Да – а
Кругом - Божественная ВО–ДА ...»

глазах. Ау, люди!.. Временами чувствуешь себя коровой из анекдота. Как, вы еще не слышали? Ходит рогатая по утреннему, не проспавшемуся городу, и орет: «Молоко! Свежее молоко!!!» А в ответ тишина. Коровы за свое: «Сливки!!! Сметана!!!» Ноль эмоций. И на пределе отчаяния, в пустоту: «Граждане! Кому говядины!!!»...

Один мой друг рассказывал о городском сумасшедшем, который бродил по улицам с железной палкой и долбил асфальт. Говорил, что там, под черной корой, живет маленький зеленый росток, которому он обязательно должен помочь. Которому он нужен. Не знаю, за какими решетками и заборами сейчас этот человек. Но если встречу – обязательно пойду вместе с ним. Ведь где-то же должен быть росток, который нас ждет.

А на Ставропольской в загазованном воздухе долго еще висел тяжелый, древесно-травяной запах тополиной крови. Птицы, не находя привычного пристанища, растерянно металась над трамвайными путями. Желтки фонарей стекали по стеклам вагонов, устало идущих в депо, и застывали на вытянувшихся стволах, еще не убранных «Зеленостроем». Перед отбоем старые трамваи протяжно и печально звенели о том, чему уже никогда не сбыться. А еще выше, куда не долетает слабый человеческий взгляд, к чему может прикоснуться только горячее сердце, захо-ловув от тоски по навсегда утраченному – клином, по-журавлиному, летели тополиные души. Они прощали людей и на прощание бросали им счастливые билетики листьев. Они платили нам за проезд на тот берег. А жители города шли, не поднимая голов, спотыкаясь тяжелыми взглядами об иссохшую почву. Билетики медленно снижались, превращаясь в дождь. Первый, после затяжной, точно болезнь, жары. И лишь тогда люди с потрескавшимися, как земля, по которой они шли, сердцами медленно обратили навстречу каплям оживающие лица. И начали растерянно и робко спрашивать друг у друга: «Куда исчезли наши тополя?».

Анна МАМАЕНКО

Мемориальная доска

Владимир Маркович Жилин (Шейферман) родился в 1933 году в Чернигове (Украина). В детстве жил в эвакуации в Киргизии, а с 1944 года – в Краснодаре, где и окончил педагогический институт, факультет филологии. Работал сельским учителем, занимался журналистикой, писал стихи, прозу, рецензии, переводил произведения адыгейских поэтов. Много лет Владимир Маркович терпел преследования по политическим мотивам. Переломным моментом в жизни стала встреча с поэтом Борисом Слуцким, после чего Жилина стали публиковать в журналах «Юность», «День поэзии», «Литературная учеба» и др. Первая книга стихов «Дерево разговора» вышла в Москве в 1983 году, когда писателю было 50 лет. Член Союза российских писателей. Умер в Краснодаре в 2002 году. Последний, пятый сборник стихов опубликован в Краснодаре посмертно, в 2003 году.

ПРИШЕЛЕЦ

Покурим, тоненькая, покурим.
Я, правда, затягиваться не умею.
Я просто имею заботу – видеть
каштановую свободу волос,
сбегающих на высокую шею,
обрушенных на узкие плечи –
как пришлось.
Каштановая, не ты ли дважды
чужая? Не я ли с другой планеты?
Начальство и то у меня иное –
куда божественнее с лица.
Увы, в моем здании нету
тебя и этого коридора,
и никакой сигареты с фильтром,
ни дыма крохотного кольца.
Пронюхает Ангел Предохранитель –
сошлет на каторжные созвездья.
А, может, возмездье
будет красивым –
меня сожгут в остратку другим.
Ты выйдешь за третьего, за человека...
Одно останется утешенье:
ведь мы там, знаешь, горим не синим –
каштановым пламенем горим.

КУСТ ЛУННИКА

Он рос у меня под южным окном.
Чуть сумрак – мой куст мечтал об одном:
тайком от людей цветы развернуть
и засветло в милую ночь окунуть.

Был зелен и я – любопытен, жесток,
любил деликатных – потеха была!
Хотел я застукать его хоть разок,
поймать на цветенье – такие дела.

Но не расцветая, печален и тих,
куст мучил бутоны, он сдерживал их,
глядел умоляюще на меня...
Уже матерела над садом луна.

И тут я сдавался – всему есть предел.
На миг отвернусь, чтобы он не робел,
и честно зажмурюсь – он весь за спиной
нежнейшей своей исходил желтизной...

* * *

Научно-фантастический сонет
мне за полночь приснился. Вот в чем
дело:
одна звезда обнять меня хотела,
но, не имея рук, послала свет.
Он мчался ровно триста тысяч лет.
Моим столетьям не было предела.
А луч летел – и все вокруг свистело
и злобно улюлюкало вослед.
Потом отец мой приподнял плиту
и очень юный вышел из могилы,
и мы с ним обнялись, что было силы,
и, ахнув, вдруг увидели звезду.
Она сказала: «Мальчики мои!
Не время плакать. Под Орлом бои».

«В литературу строем не ходят», - говаривал на заре 80-х годов руководитель литературного объединения при редакции газеты «Советская Кубань» писатель Юрий Николаевич Абдашев. Он признавался, что не верит в литобъединения как «кузницу кадров», что не мешало ему терпеливо и увлеченно работать с нами, тогда еще молодыми поэтами и прозаиками. Возможно, он ошибался, а возможно, просто так совпало, что именно из нашего тогдашнего тесного круга вышло немало ярких и самобытных литераторов. Всех нас – известных и малоизвестных – объединяет это «абдашевское» прошлое. Мы многим обязаны нашему учителю как в литературном, так и в человеческом плане, а кое-кому из нас удалось сохранить не только творческие, но и дружеские связи тех времен. Строй – не строй, а нас, «абдашевцев», можно назвать плеядой.

«Иных уж нет, а те далече»... После смерти Абдашева его пост председателя Краснодарской организации Союза российских писателей занял один из нас, его учеников – поэт Виктор Домбровский. В далеком Израиле ушел из жизни Аркадий Хаенко, ставший там видным прозаиком. Вступили в Союз писателей прозаик Елена Лобанова и поэты Любовь Сирота, Анатолий Мовшович, Сергей Егоров, Александр Черепанов. Пришедший в наши ряды совсем юным поэтом Евгений Петропавловский сегодня с успехом пишет как стихи, так и прозу.

Быть писателем в нашей стране, тем более в наше время – не так-то просто: литературный труд, как известно, оплачивается редко, а издать книгу может далеко не каждый. Творчество само по себе, конечно, греет, но как выйти к читателю? Быть услышанным, а по возможности еще и понятым – это ли не заветная мечта каждого взявшегося за перо? И сегодня, может быть, как никогда в прошлом, пишущим людям необходимо общение.

В разные времена в Краснодаре тут и там зарождались неформальные творческие объединения, группы, клубы – то, что теперь зовется «тусовками». И, хотя писательство – труд принципиально уединенный, мало находится таких, кто, подобно Станиславу Чумакову, Юрию Гречко или Аркадию Слуцкому, никогда особо не страдал из-за отсутствия регулярного общения с себе подобными: всё-таки стадный инстинкт глубоко заложен в человеческую психику.

В 70-х годах мы регулярно собирались в доме поэта и музыканта Валерия Гирли, окрестив наши сборища «Отдушиной». Сюда приходили поэты, художники, музыканты, находившие радость в общении, подзаряжавшие друг друга и обретавшие всё новые темы для произведений, находившие друг в друге благодарных слушателей, зрителей, читателей. Мы не искали ни лавров, ни выгод: нам было просто хорошо вместе. Хозяин дома садился за пианино, и под его виртуозные импровизации мы вели бесконечные споры о литературе, музыке, театре, а художники набрасывали наши портреты без отрыва от творческого общения. Иной раз там же, на месте рождались стихи, эпиграммы, входившие в нашу «Отдушинскую тетрадь», имевшую эпиграф: «Пусть это будет не «Чукоккала», а нечто в своем роде, но около...».

Пишущая молодежь (и не совсем молодежь) 80-х и 90-х годов обрела себе «гнездышко» в Ассоциации молодых писателей (позднее носившей название общественной организации «Молодые писатели Кубани») под руководством прозаика Валерия Кузнецова. В свое время от «Ассоциации» отпочковалась литературная группа «Поэтическое королевство Сиам». «Сиамовцы» основали собственный журнал «Новый Карфаген», который и сейчас выходит спорадически, хотя группы как таковой уже не существует – остались только творческие и дружеские связи между ее членами, из которых лишь несколько человек и по сей день продолжают писать.

На стыке тысячелетий в той же «Ассе» (как называли мы между собой Ассоциацию молодых писателей) свела судьба и тех, кто составил костяк Литературно-театральной группы «Пункт Приёма». Впрочем, вначале никакой группы не было. В ту пору заканчивал биофак Кубанского университета Андрей Насонов, чьи стихи покорили меня своей свежестью и энергией. Тогда же начинала учебу в Литературном институте имени А.М.Горького восемнадцатилетняя Анна Мамаенко, быстро занявшая лидерские позиции в нашей среде благодаря уровню литературного мастерства, нетривиальности суждений и эрудиции. Появился Игорь Онищенко – совсем юный, этаким нескладным увалень, нарочито антиэстетичный и даже порой грубоватый в манерах, «нефор», сотворивший себе кумира из Александра Башлачева, а позднее – из Егора Летова. Так постепенно сложилась наша четверка. Нас потянуло друг к другу, мы чувствовали, что обрели не только достойных собратьев по перу, но и во многом единомышленников – учителей и учеников одновременно, словом, как говорится, сошлись на почве общей творческой одержимости.

Анна первая почувствовала в «Ассе» признаки застоя и окостенения. Дух творческого братства постепенно сменялся диктатом руководящей верхушки, а проводимые «мероприятия» несли на себе унылую печать партсобраний. Спустя какое-то время наша сдружившаяся группка собиралась уже отдельно от «Ассоциации», у меня дома, где на время поселился Андрей Насонов, потерявший место в общежитии в связи с окончанием учебы. Он привел с собой своего соседа по комнате Костю Плахтеева, чьи стихотворные опусы оказались весьма самобытными.

Примерно в те же дни или чуть раньше председатель Союза российских писателей Виктор Домбровский предложил Анне Мамаенко подготовить и провести творческий вечер молодых писателей, за что она и взялась со всем присущим ей энтузиазмом. Традиционная форма проведения таких вечеров показалась нам скучной, и возникла идея провести вечер в оригинальной форме, где стихи в исполнении авторов «рождались» бы из сюжета.

Моя квартира стала местом наших сборищ, а со временем и географическим местопребыванием возникшей литературно-театральной группы «Пункт Приема». Наши встречи напоминали нам стиль жизни литературных группировок «серебряного века» с их атмосферой непрерывных споров и размышлений о литературном процессе, о сути поэзии, о месте поэта в обществе, о способах выхода к читателю, из которых одним из самых реальных было публичное чтение своих произведений, только не в традиционной форме, а в такой, которая создала бы необходимый градус взаимодействия между авторами и читателями. Здесь, за моим круглым столом и родился первый сценарий «концептуального поэтического спектакля». Сюжетной канвой для сценария стало стихотворение А.Кочеткова «Баллада о прокуренном вагоне», а участники предполагаемого действия были пассажирами вагона, летящего без тормозов навстречу крушению. «Из пункта А в пункт Б» - так мы называли наше детище. Однако сценарий оказался слишком сложным в постановочном отношении, да и предполагаемые участники, коих было десять человек, никак не могли собраться для репетиций. Возникли проблемы и с помещением для выступления. И, когда сроки, назначенные Союзом писателей, стали «поджимать», мы наспех сколотили сценарий попроще.

Первый опыт концептуального поэтического вечера под названием «Пятница Обитания» состоялся весной 2001 года на факультете журналистики Кубанского госуниверситета. Молодые поэты – участники вечера – предстали перед зрителями в образе животных и птиц

– обитателей площадки молодняка некоего зоопарка. Я же, будучи намного старше их по возрасту, выступила в роли экскурсовода, знакомящего публику с милыми зверюшками. Это была серия моноспектаклей, в каковые превратил произведения участников представления наш режиссер Андрей Харахаш. Вечер прошел на одном дыхании и был принят многочисленной публикой с восторгом, несмотря на содержавшиеся в нем смелые «наезды» на «мэтров» из Союза писателей.

На исходе того же 2001 года во Дворце культуры железнодорожников мы сыграли еще один «концептуальный поэтический спектакль» – такое определение закрепилось за созданным нами жанром – под тем же названием «Пятница Обитания», но уже совсем с другим содержанием. Его мы посвятили памяти умершего в тот год поэта Владимира Цыбина – мастера литинститутского семинара Анны Мамаенко. К тому времени к нашей команде прибавились еще два поэта – Виталий Бородин и его жена Марийка Нерсесова, а также прозаик – Аркадий Смолин, впоследствии поступивший (конечно же, с подачи Анки) в Литинститут. Максим Нижегородов – разносторонне одаренная личность – помогал нам не только творчески, но и технически, создавая необходимые по ходу спектакля компьютерные фонограммы.

Судьба подарила мне уникальную роль: роль некоего связующего звена между поколениями писателей. Я, вышедшая из литобъединения Юрия Николаевича Абдашева, тесно

сошлась с молодежью, уловив в творчестве этих ребят звуки новой для меня поэтической речи, которую в те годы стала осваи-

вать, учась у них видеть, чувствовать, говорить. Сценарии всех наших «безумств» писали, в основном, мы с Анной при поддержке и горячем соучастии остальных наших ребят. Собирались по-прежнему в моей «нехорошей квартире», которая в те времена сильно напоминала студенческое общежитие. «Вторая» «Пятница Обитания» была снята на видео-плёнку, ставшую одной из реликвий «Пункта Приёма», а прозвучавшая в спектакле песня Максима Нижегородова «Я не верю» стала со временем нашим гимном. Наше творческое взаимодействие обогатило каждого из нас, вызвало мощный прилив сил, позволивший преодолеть множество преград, то и дело возникавших на нашем пути, пока мы работали над спектаклем.

Спектакль произвел фурор, после финала, прорвавшись за кулисы, зрители со слезами на глазах долго трясли нам руки, обнимали и целовали, не в силах выразить словами всю гамму нахлынувших чувств. Потом была устроена пресс-конференция, переросшая в спор о спектакле, его героях, идейной направленности...

Но, увы, зрителей в зале было в общем-то не так уж много, да и нескольких сюжетов в теленовостях не хватило, чтобы нас начали узнавать в трамваях как своих героев, так что нам пришлось, вместо всеобщей славы, довольствоваться собственным ощущением того, что мы совершили нечто невероятное и тем войдем в историю. Спектакли наши напоминают ледяные скульптуры: их невозможно повторить, как нельзя дважды войти в одну и ту же реку. Каждый из них происходит только раз, после чего обстоятельства нашей жизни меняются настолько, что пережитое неумолимо становится прошлым.

Только раз еще нам удалось выйти на публику с очередным представлением. Это

была получившая скандальную оценку местной прессы акция «Воскресник, или Похороны русской литературы», сыгранная на улице, у памятника Пушкину с предварительным шествием нашей группы в черных балахонах (реквизите, оставшемся с «Пятницы Обитания») по главной улице города. Под барабанный бой, скандирование воинственных стихов и пение нашего гимна мы несли маленький гробик, где «покойлась» Литература, а там, у памятника, в конце «траурного митинга» Литература чудесным образом воскресала и вылетала из гроба в виде воздушного шарика. Чтобы получить разрешение на этот «перформанс» от Комитета по делам молодежи, мы пошли на хитрость: под видом сценария предоставили им лишь тексты входивших в него стихов. Не было там ни звучащих между стихами реплик, ни злобещей фигуры Официального Лица, пытающегося руководить и «не пущать»...

Сегодня «Пункт Приема» остался лишь дорогим воспоминанием, а не действующей группой, хотя официально его никто не закрывал... Как, впрочем, и не открывал. Всё труднее собираться вместе. У ребят появились дети, у меня внучка... Всех нас загнала в угол постылая проза жизни.

Наш первый сценарий – «Из пункта А в пункт Б» (как и несколько последующих), так и остался на бумаге. Трагически погиб один из его предполагаемых участников Максим Максименко – молодой писатель и ученый-филолог (в свои 28 он уже был без пяти минут доктором наук), кто-то из «пассажиров» рокового поезда растворился в других сферах, по разным причинам не вписавшись в наш творческий коллектив... Мистическим образом всё, что мы сами себе напророчили в сценариях наших спектаклей, так или иначе сбывается. Опасное это занятие – литература. Грустно становится от того, как неумолимо сбывается и самое страшное: происходит разобщение, предначинное, например, в нашем самом позднем сценарии – «Земля немислимых дел», который мы даже не надеемся поставить...

Сегодня свежую струю вносит в наш город приехавший из Эстонии молодой актер и поэт Роман Медведев: как выяснилось, он привез с собой целое литературное направление, в котором творит вот уже десяток лет: «Реакон» - поэзия реального конкретизма. За короткое время он успел собрать вокруг себя талантливую молодежь, и они, как когда-то мы, полны юного задора и энтузиазма. Впрочем, у самого Ромы творчество носит вполне зрелый характер, поражая искренностью и оригинальностью мышления. Это тем более радостно, что Союзы писателей, ставшие ненужными не только властям, но, кажется, уже и самим писателям (а зачем они нужны, если выродились в тривиальные общественные организации без средств к существованию и практически уже без помещений?), доживают, вероятно, свои последние дни. Грустные настали времена.

И всё же вижу, вижу то и дело мальчиков и девочек с пытливыми глазами, слагающих порой ещё очень беспомощные строки, но мающихся той же старой болезнью: страстью к этому бесперспективному, по всей видимости, безнадежному и вечно одинокому занятию: маранию бумаги. Их всех гложет один и тот же вопрос: куда это девать и куда с этим деваться? Что ж, ни в какие времена искусство не приносило иных радостей, кроме радости самого творчества. И этого у нас никому не отнять!

Марина Мартынова

Лунная дорога. Юрий Наумов

Сергей Сергеев (г. Городец)

Осень

Там, за тёмною рекою,
За стеною строгих сосен
Плачет жёлтою листвою
Без меня девчонка — осень.
Средь осин, дрожащих медью,
Обо мне, вздыхая, судит:
«Неужели не приедет?
Неужели позабудет?
Неужели даль лесную,
Что ещё с мальчишек знает,
Он на осень городскую
В красках бледных променяет?
Ну, а может, уж не манит
Родниковая водица,
Детство в розовом тумане
По ночам ему не снится?..»
Хрустнет лужа льдинкой тонкой,
Как последний вздох о лете.
Осень — рыжая девчонка
За рекой меня приветит.

Зимняя ночь

Уснул закат, и ночь-колдунья
Бредёт к затерянному миру,
Но юный снег и полнолуние,
Как будто шепчут: «Знаешь, там...

Там, где листвою лето билось,
Вздыхали ели стариной,
Всё замерло, преобразилось
Под звездно-синей тишиной.

По давним, сказочным законам
Тот мир в спокойствии живёт.
Родник хрустальным перезвоном
Тебя зовёт, зовёт, зовёт..»

Уж полночь лёгким сновиденьем
Плывёт в уставшие дома,
Какие дивные мгновенья,
Вокруг зима, зима, зима...

У поля

Здесь и бескрайняя воля,
И мимолетная грусть.
Снег закружился над полем.
Осень уходит — и пусть.
Краткий порыв,
Божья милость:
Мир, где-то там, за стеной,
Небо к земле опустилось,
Шепчется снег с тишиной.
Осень подводит итоги,
Время зиме ворожить.
Здорово встать на дороге
И никуда не спешить.

Последний листок

Звёзды шептали о скромном морозе,
Ветер смеялся: «Пора, вышел срок».
Но не сдавался, дрожал на берёзе
Этот последний озябший листок.

Ссорился с веткой — унылой подругой,
Не разделяя оправданный сон,
Что ей, холодной, да что ей, упругой?
Век её дольше, его лишь — сезон.

И вот, когда по всевидящей воле
Дрогнула вмиг эта хрупкая связь...
Лёг он на белое, белое поле;
Он, переживший осеннюю грязь.

Зевеке Михаил (г.Городец)

* * *

По жаркой ниве путь проторен.
Ржаное поле. Солнце. Небо.
Я никогда не видел моря
И никогда на море не был.

И попаду туда едва ли,
Чтоб лицезреть то чудо света.
Знать, не напрасно воспевали
Его великие поэты!

В любви не клялся громогласно,
Не посвящал ему стихи я:
Великолепна, но опасна
Сия неверная стихия!

Меня ж по полю тропка водит,
Поёт мне песни бор высокий,
И благодать с небес нисходит...
Я пью, как колос, эти соки.

Пусть не велик, как ширь морская,
Пусть шорох мой — почти что небыль,
Но в приземлённости не каюсь:
В свой срок, созревши, стану хлебом,

Хранящим солнца поцелуй,
Духмяным, тёплым даром лета,
И сто голодных накормлю я,
И сто слепых увидят это.

Старица

Старица, старица,
Век бы не стариться,
Век бы, милок, не стареть!
Мать травам плечики,
Слушать кузнечиков,
В тёмную воду смотреть.

Старица, старица,
Мне б не запариться!
Брошу на берег косяк...
Мысли невинные,
Зори полные
В детство с собой унесу.

Как по наитию,
Это событие
Вижу, хотя и не зван:
Вяз три листочка
Готовит к отплытию
В старицу, как в океан.

Певчие зяблики
Листья-кораблики
Славят трезвоном в лесу.
Вот и отчалили...
Смотрит отчаянно
Шкипер-жучок на носу.

Курс их от дерева —
К дальнему берегу:
Скрылись из глаз — и молчок...
Только я верю:
Откроет Америку
Чёрный отважный жучок!

Старица, старица,
Век бы не стариться!
Лета звенят голоса...
Небо бездонное,
Дело исконное —
Травы срезает коса.

Банька

Из-под века синей тучи
Смотрит, шурысь, солнца око.
Краснобоки и летучи,
Облака парят высоко.
Поднебесных сосен кроны
Чуть понижь, а достань-ка!
На поля спешат вороны.
В дёрн вросла старушка-банька.

Серебрист платочек крыши
И замшели половицы.
Дремлет, знай, шагов не слыша:
Поутру так сладко спится!
Вся в росе тропа кривая,
Рань её заворожил.
Вековуха вековая,
Сколько людям ты служила!

Не достойно это разве
Уваженья и признанья?
Сколько ты отмыла грязи,
Лоботрясам в назиданье,
Сколько парила и грела,
Сколь здоровья подарила!
Солнце прянуло — и смело
Баньку ярко озарило...

Сочиняю без запинки,
Наблюдаю без подсказки;
С этим самым по глубинке
Поброжу, поживши в сказке.
Всё услышу, всё узнаю,
Неуёмный Ванька-встанька.
Мне природа — мать родная,
Мне сестрица — эта банька.

Маргарита Шувалова
(Нижний Новгород)

* * *

Я земная, поверь мне, земная,
Хоть кажусь, что лечу в облаках...
Лишь однажды в садах дивных рая
Я держала синицу в руках.

Лишь однажды поверила в сказку,
Выходя безрассудно в астрал.
Только «сон» в оболстительной маске
Прятал подлой гримасы оскал...

И теперь я хожу — не летаю.
Высота — моя боль и мой страх...
Я земная, поверь мне, земная
И давно без синицы в руках.

* * *

Если б на все вопросы
Были готовы ответы...
Если б давались серьезно
На верность святые обеты...
Если бы можно было
Верить в любовь, как в Бога...
Боль от обид не томила,
Не разрывала б тревога...
Счастливых встреч объятья
Не размыкали разлуки, -
Мы б задохнулись от счастья,
А может,
Свихнулись от скуки...

Наталия Стручкова
(Нижний Новгород)

* * *

Все опять повторилось сначала:
Изнутри выгорая дотла,
Я тебе ничего не сказала,
Я сказать ничего не могла.

Мне одной до сих пор не известно:
Ну откуда ты взялся такой,
За собой увлекающий в бездну
И вознесший меня над толпой?

И парят, в ожидании ответа,
Зная все наперед, всякий раз,
Два крыла василькового цвета
Над простором мараловых глаз.

Павел Тужилкин (Нижний Новгород)

Маргарите Шуваловой

Встретишь тепло и радушно,
Так, как бывало не раз.
Может быть, в женскую дружбу
Кто-то не верит сейчас.
Радостно мне, что отныне
Мы неразлучны в пути.
С гордостью, а не с гордыней
Надо по жизни идти.
Если невзгоды закружат
Оводом над головой,
Мы ведь понятие «дружба»
Не отменяем с тобой.
Может быть, не современны...
Может, придется не раз
Нам испытать перемены,
Только они — не для нас!

Красные сосны

Красные сосны в пору заката
Смотрят внимательно за горизонт.
Ждут ли кого-то, не веря в утрату,
Иль провожают кого-то на фронт?

Снова вдали полыхают пожары —
В небе багряно мерцает закат.
То ли вернулись монголо-татары,
То ли французов прорвался отряд?

Недруги лезут в Россию веками.
Воинам снова на битвы идти...
Красные сосны машут руками,
Словно надеясь беду отвести.

Бой за горами был труден и страшен.
Там недвижимы солдаты лежат.
Это не сосны, а матери наши
Из-под ладоней в закаты глядят.

Ключи

Посвящается моей
родной деревеньке Ключи,
Семеновского района,
Нижегородской области

Деревушка на горюшке
Под названием Ключи.
Вырос маленький Павлушка
Там на бабкиной печи.

Жил я там, как будто в сказке,
Словно праведник в раю.
Из ручья добра и ласки
Пил я силушку свою.

Как теленок ошалелый,
Я по травушкам скакал.
В ледяную речку смело
Головою вниз нырял.

И теперь воспоминанья
Согревают душу мне.
Ветра сенное дыханье
Чую даже и во сне.

Помню лето голубое!
Ключ — как Божья слеза,
Желтый кустик зверобоя
И ромашкины глаза!

Там живые бабка с дедом
Поливают огород...
Я опять туда не еду —
Там никто меня не ждет...

Можников Олег Эдуардович, родился 1 ноября 1964 года в г. Петрозаводске. В 1988 г. закончил Свердловское высшее военное политическое танко-артиллерийское училище. Работал в органах МВД, а после передачи пожарной охраны в МЧС — с 1991 г. На данный момент — заместитель начальника отдела пропаганды Главного управления МЧС России по Республике Карелия, подполковник внутренней службы. В 1996 г. закончил Ивановское пожарно-техническое училище (заочно). Автор двух книг стихов и книги прозы. Член Союза писателей России.

Соленый лес

Памяти отца
Эдуарда Можникова

**«Соленые» грибы рассыпались поляной
За вырубкой, показанной отцом...
В сырой тайге, поваленной, как пьяной,
Заросшее приметил озеро.**

**Найти сосну с зарубкою отцовою...
И самому пройти знакомый путь.
Испить росы из впадинки груздевой:
Родителя заботу помянуть.**

**Отцовских вех — надломленные ветки —
Корзиною стараясь не сшибить,
Груздевый дух и запах стыни терпкий
Соленою рубахой ощутить.**

**Соленый мох на лапнике еловом
Шекочет кожу теплою трухой,
И дебри заболоченные снова
Расступая пред купиною сухой.**

**И шляпы, шляпы круглые по склонам!
Венчает короб сахарный венец!..
И чудится в остуженном, соленом,
Грибном лесу аукает отец.**

Училище

**Сыграло солнце утренний подъем!
Искрится смех и — музыка над плацем...
Мы и в морщинках юность узнаем,
Которую не видели лет двадцать.**

**Выпускники... Легко пересчитать —
Кого от ветра снежного прикрыли:
Уктусских гор суровая мечта,
Железный щит и каменные крылья.**

**Глаза влажнеют... Родина — вот тут,
Где продолжает гулко биться сердце!
И белорус с украинцем пройдут,
Чеканя шаг. И можно заглядеться**

**На этот строй — служения пример
Свердловскому родному на Урале!..
И в День училища мы гимн СССР
Душевно, не застенчиво орали!**

**И после — единение во всем,
И временем, и словом не напиться!
Уральский город снегом занесен...
И держится последняя граница.**

* * *

**На бруствер выкатилась рота...
Война... Спешил корреспондент
Над этой пропастью народа
Поймать, как перышко, момент...**

**И не найти на белом свете
Иных бойцов, «штыков» иных,
Оставшихся на снимках этих
И — на века — в сороковых...**

**Обманет время фотовспышка:
Рассеяв чад горящих нив,
Взлетел над бруствером мальчишка! —
Меня от пули заслонив.**

МИР ДОБРА И МИР ЗЛА

Сегодня мы подготовим нашего читателя к тем темам, которые вынесены у нас на сайте в форуме, а так как, в основном, направление нашей газеты — **духовное просвещение**, то темы на форуме такого же содержания. Прежде всего, эти вопросы и толкования очень сложны для обычных людей, то есть людей с классическим мировоззрением, классическими правилами и законами бытия. Сергей Пашков к этому добавляет, что классические люди в вопросах космогонической реальности часто нелепо доверяют оккультным представителям, а это еще хуже, чем только придерживаться законов и правил классического реализма. В связи с этим хотелось спросить у Сергея следующее: «Сергей, в чем отличие эволюции Дарвина от сотворения библейского земного Адама и в чем у них сходство?»

— Я вспоминаю один случай, когда для внедрения в школьные системы оккультизма был инициирован некий судебный процесс девочки за преподавание Библии и на запрет учения Дарвина. (При этом, для компромисса, начали в школах внедрять оккультизм, что превратило и так уже некогда просвещенное общество, в оккультных слепых фанатиков. Так, еще с детства лишают возможности членов нашего общества обращаться в здравомыслящих людей, в понимании реальности блага и порока. При этом приводят еще и к ложным представлениям, для классического реализма.) Ко мне подошел как - то один знакомый, (он выгуливал собаку) и с пафосом объявил, мол, наконец-то наших детей будут учить верить в Бога, и если не поконтчат с Дарвинизмом, то, по крайней мере, станут просвещать об истинном происхождении мира и человека! Я его сразу же спросил, мол, твоя собака добрая или злая? Он ответил, конечно же, добрая. Тогда я его попросил соотнести хотя бы происхождение человека от Бога, а Бог есть добро, т. е. как и его собака, но с биологическими признаками в отношении учения Дарвина. Получится, что мы произошли от твоей собаки? Он сначала опешил, но затем объявил мне, что мной утрируется всё. В Библии же написано, что люди созданы по образу и подобию Бога, а не собаки или обезьяны выступают в качестве прародителя. Тогда я его попросил мне представить тех людей, кто конкретно имеет Божье происхождение, а у кого отец Дьявол, мол, раз уж вы доброе и злое соотносите только с человеком. Тогда он и объявил, что это же просто люди, а не боги и дьяволы. Мол, причем тут Бог и человек? Такой человек не понимает, что тут же отрекается от того, что он же пытался утверждать. Когда я его спросил, как возник по этой же еврейской Библии мир, если в одном месте говорится, что изначально было Слово, в другом месте говорится, что из ничего возникло всё представление о мире и сам мир? В следующем месте говорится, что мир возник из малого семени, а в ином месте говорится, что мир создан из невидимого, хотя в начале Ветхого Завета говорится о сотворении мира за шесть дней. Думаю, тебе достаточно теперь и этого перечисления, чтобы мне точно ответить, как возник мир из текстов Библии? Конечно, он ничего не смог мне ответить, хотя затем согласился, что учение Дарвина действительно построено на признаках биологических в соотношении сред обитания, так сказать на видовых подобиях, а не на признаках добра или зла, но дальше этот мой знакомый не смог развить тему разговора и удалился. Хотя именно среда обитания земного Адама и стилизована в Библии, он сотворен из праха земного. То есть, когда в плодородном Эдеме-саде не стало человека для возделывания сада, то добрый и благо-разумный человек — Бог — и взял рожденного в долине с глиноземной почвой к себе человека. Так из мертвой или неплодородной земли был взят Адам, у которого было и относительно бытию мертвое сознание. Притом само имя Адам толкуется как человек из красной глины, то есть земной Адам рожден в низменном месте или в реальном аду, был он сам мертвым, но биологически живым человеком. После проведенного сеанса гипноза сознание Адама было очищено, а затем просвещено, и тогда Адам стал подобен Богам, проще, стал считаться живым человеком по признакам космогонии. В космогоническом реализме даже стихи делятся на разные среды обитаний. Можно четко проследить, где хоронился Иисус Христос, а именно в живой земле, как в саду и на возвышенном месте в гроте, тогда как злой Иуда Искариот хоронится в глиноземной или в мертвой земле и в низине. Однако в космогонической реальности и в её соотношениях нет однозначных критериев в определениях и оценках, а там свои модели и правила, в том числе и сотворения мира, который возникает от любой безначальной данности и начинает развиваться от неё во всех четырех модельных построениях!

— Сергей, ты же сам много раз приводил термины и факты однозначных соотношений, притом пусть не такие, как на полях в печатных изданиях Библии, но тоже одних и тех же относительных значений, а теперь заявляешь, что в космогоническом реализме нет однозначных соотношений. Выходит, приведенные ссылки на полях этих печатных изданий не дают объективного представ-

ления, а ты можешь сделать такие ссылки, которые могут привести в полное непонимание этих текстов людьми с классическим мировоззрением и могут дать оккультным представителям возможность манипулировать изречениями в выгодном для них только представлении?

— Именно так и есть, более того, я приведу пример этих соотношений по другим расположениям ссылок на полях, но уже следует отметить, что в мертвой земле не только рожден был Адам, но и тернии, волки, то есть тут уже есть особое отношение.

Итак, Ева и Мария вне брака зачинают сыновей, Ева рождает Каина, а Мария рождает Иисуса, после чего обе становятся изгоями из отеческого устройства. Притом, если Моисей выводил евреев из Египта, то семья Иисуса, напротив, исходит в Египет. Хотя по возвращении в отеческий дом - еврейский этнос - Иисус заявляет проживающим внутренним евреям, что они дети Дьявола. Иисус только в соотношении внешнего и внутреннего дает как бы противоречивые определения. Так он говорит, что внутренние евреи свободны, а внешние рабы, но он же и сказал внутренним евреям, придя извне, что рабы они. Также он говорил, что у внешних и внутренних один и тот же Отец, притом четко заявляя, что у Бога и Дьявола нет ничего общего. Если при Моисее учили: глаз за глаз, а вора отрубить руку, то он говорил: «Вырви себе глаз и отруби себе руку». Так можно долго делать сравнения, например, когда Иисус общается с блудниками, ворами, преступниками и прочими порочными людьми, пьет вино, не умывает рук, но я возьму то, что случилось с вавилонянами. Бог наказал сыновей Вавилона разделением их языка и разрушением рукотворного культа, а соотносе- су с тем, что ученики Иисуса тоже разделились в говорении на языках, и еврейский рукотворный храмовый культ был разрушен, а ученики Иисуса развеялись, как и вавилоняне, по разным сторонам. Притом можно сравнить и то, что под образом змея - искусителя тоже давалось такое познание как просвещение, приняв познание, у Евы и Адама глаза открылись с другой стороны, как описано в случае с учениками Иисуса. Даже этого достаточно, чтобы понять, что для классического человека возникнет отсутствие логического понимания таких стилизованных текстов, как и особых объективных представлений космогонической реальности. Следовательно, для этой реальности есть свои признаки в определениях, правила и модели устройства, которые никакого отношения ни к одной оккультной организации не имеют! Мы в своем издании и представляем такие правила и модельные соотношения, и признают их или нет, не имеет значения. Потому, что они есть то, чем они являются. Это не зависит ни от чего или кого - либо, даже от тех, кто их открывает или познает, они применимы ко всему и к каждой данности!

Чтобы выступить по любой заявленной теме на нашем форуме, достаточно уже того, чтобы читатель внимательно осмыслил наши материалы от редакции и материалы, касающиеся таких представлений. Я предлагал Ирине Дружаевой на страницах нашей газеты провести открытую дискуссию по одной теме: «Для кого Иоанн Богослов является Богом, а для кого нет?» Но чтобы стороны в своих доводах указали четкие правила и модель в этих определениях и отношениях. У нас так много развелось якобы истинно следующих Библии и знающих её и понимающих, что хотелось хоть одного такого человека обнаружить, но как я и говорил, все эти псевдоверующие - банальные оккультные фанатики, а любой оккультизм ничего общего не имеет с религиозностью! Религиозность — это справедливость в любых суждениях, которая не зависит ни от каких привязанностей и даже признаков, это просто просвещенность духовная, добросовестность и честность в суждениях. Любая оккультная организация не имеет правил космогонии, а придерживается только собственных мертвых догм, слепого вероисповедания. По правилам эти люди и ходят во тьме, тогда как просвещенный человек знает, откуда он пришел и куда идет, так как он ходит в свете разума, истинно просвещенным разумом и водим.

— Сергей, если по правилам космогонии, о которых ты сказал, возможно от любой безначальной данности сотворение мира, то из этого следует, что не только может иметь место еврейская Библия, но и любая страна и даже индивид могут написать свое сотворение мира? Также я понял, что в космогонии переходы из одного мира в другой совершаются только революционным путем, проще только посредством переворотов в бытии и в сознании. Из этого следует, что никакими техническими средствами в классическом представлении мира невозможно не только совершать переходы из одного мира в другой, но и представить этого даже нельзя?

— Представить можно, так оккультные представители наглым образом обманывают легковверных людей, мол, те попадут после их биологической смерти в ад или в рай, но все их заявления ничем не подкреплены, более того, это часто ложные заявления и ложные определения. Можно напомнить, что именно оккультные представители объявили тому же Иисусу, что он

рожден во греху, живет в нём и умрет в грехах, притом то же самое, но уже им заявил Иисус, а по правилам космогонии в этих, вроде аналогичных, противопоставлениях прав Иисус!

Действительно, любой индивид и самая малая страна, например Мальта, как и на сегодняшний день мировая держава США, могут написать независимую свою космогонию, притом эти писания могут не только не противоречить еврейскому писанию, но могут только способствовать пониманию космогонической реальности как таковой. Мои работы и так сложны для читателей, и наверно некий представитель страны может намного лучше написать космогонию своей страны. Хотя можно написать космогонию США, России, СССР, Российской Федерации. Притом сами такие тексты писаний могут содержать все модельные в себе отношения и правила, а могут быть представлены отдельно, как Ветхий Завет в отношении к Евангелию. Вот я представлю, как могла бы начинаться Мальтийская космогония:

«Сотворил Бог бездны вод, а среди этих бездн сотворил земли обширные. И нарек Бог те бездны вод океанами, а просторы великие суши нарек материками. И стало так, как сказал Бог. И сотворил Бог меньшие воды среди земли и нарек их морями, а меньшие участки суши нарек он островами и полуостровами. И стало так. И вот среди земель сотворил он море, потому назвал его Средиземным, а посреди этого моря он поднял островную сушу и нарек её островом Мальта. И утвердил Бог небеса, поставив одно Большое светило, назвав его Солнцем. Светило великое, опускаясь за край земли, являло светило меньшее с неисчислимым воинством еще меньших светил. Меньшее светило, что у земли, назвал Бог Луной, а дальние меньшие светила назвал звездами и планетами. Все, что несло свет, нарек Бог звездами, что лишь отражало свет, нарек планетами и спутниками планет. Во всяком обращении тел дал Бог знамения для исчислений и изменений от одного явления к другому. И стало так. И дал Бог возможность водам и землям породить водных и земных тварей. И стало так. Создал Бог по своему подобию человека и поместил его на остров Мальту. И сказал он человеку, что мал еще человек и неведомо ему великое, но как в малом семени человека сокрыт сам взрослый человек, так и в человеке может сокрыто быть всё царство Небесное, и да уразумет это тот, кто примет Истинный Свет и, ожив для Истины, не примет несправедливое. Ибо такой, умирая телом, будет жив Истинным Духом Святым. Есть свет неугасимого Ада, и есть тьма тайн пороков и соблазнов ложных. Приняв это, человек умирает, но полагает, что раз телом он жив, то он и есть живой, хотя такой мертв именно для Бога, а жив для порока. Есть и тьма, и тайны Божьи, и все это может меняться, но сами эти критерии неизменны.

Помни, человек, из этой малой земли идут четыре дороги. Одна дорога добротная, и идут по ней добрые путники. Вторая дорога плохая, и идут по ней плохие путники. Есть плохие пути, но по ним идут Боги. Есть добротные пути, но по ним идут нечестивые. Сумеешь понять это, поймешь полноту в любой противоположности. Как мужчина и женщина могут быть суть единое, Истинное, могут в этих крайностях мужского и женского быть полноценным одним злом. Мужчина может быть Истиной, а женщина мертвой для Истины, хотя даже телесно верна мужу. Так и женщина может быть Истиной по отношению к мертвому мужчине в полномочном таком устройстве. Знай и то, что есть совершенство Доброе, которое, независимо даже от признаков добра и зла, всему делает благо. Совершенное зло ненавидит и делает зло добром, так относится и к злему. Так же помни, человек, что высшая награда и предназначение Бога в том, чтобы из плохого делать полезное и злое обращать в благое. Но не покрыванием и оправданием самого зла и мерзостей пороков, когда нет покаяний, а через обращение. Высшее предназначение зла — обращать потребное в непотребное и доброе в плохое. Если видишь доброе среди порочного, то не спеши сравнивать его с порочным. Будь мудр, ибо есть те, кто имеет иммунитет и не обращается в порочное, и порочное не есть пища его. Ибо входящее в него не портит его, как и он, входя в среду порочную, не портится сам от этого. Так и есть те, кто имеет иммунитет к благу, как сам такой порочный не обратим в благое, но может создавать видимость его якобы благости. Потому будь мудр и знай, что испытания могут быть различны, но если знаешь, что или кто тебя может испортить, пусть это для тебя не существует, как для нечестных в их реальности не существует справедливости...»

— Спасибо тебе, Сергей, что не только дал толкования, но и продемонстрировал примеры возникновения мира и человека, причём с главной заповедью — борьбы добра добра со злом как двух непримиримых сил, уравновешивающих существование человечества на земле. Может кто-то и решиться написать космогонию для себя или своей страны, или продолжит и закончит писать твою Мальтийскую Библию?

Беседовал Алексей Ильин